

Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 107–113. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 107–113. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 811.111'25

EDN VICTPR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113>

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ КЛЮЧЕВЫХ ОБРАЗОВ СТИХОТВОРЕНИЯ А.С. ПУШКИНА «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ» В АНГЛИЙСКИХ ПЕРЕВОДАХ

Рубцов Алексей Андреевич, Донецкий государственный университет, Россия, Донецкая Народная Республика, Донецк, rubtsov.eng@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7217-3512>

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Российский университет дружбы народов, Россия, Москва, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности передачи ключевых образов стихотворения-оды «Клеветникам России» А.С. Пушкина в английских переводах. Цель исследования – произвести сравнительный анализ перевода ключевых образов и стилистических особенностей стихотворения. Материалом исследования выступили 3 перевода на английский язык. В статье анализируются способы трансформации текста и ключевых образов произведения, в частности, сравниваются семантические поля исходных лексем с их английскими аналогами, определяется, как от выбора переводчиком конкретной единицы перевода изменяется тональность произведения, анализируется воздействие исторического контекста и субъективного восприятия переводчиков на переводной текст. В статье рассматривается проблема передачи реалий при переводе поэтического текста. В рамках исследования используются элементы этимологического, сравнительно-исторического, сопоставительного анализов. Передаваемые образы активно подвергаются различным переводческим трансформациям.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Клеветникам России», перевод, образ, трансформация, реалия.

Для цитирования: Рубцов А.А., Ненарокова М.Р. Особенности передачи ключевых образов стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России» в английских переводах // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, № 3. С. 107–113. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113>

Research Article

PECULIARITIES OF THE KEY IMAGES CONVEYING OF A.S. PUSHKIN'S POEM "TO THE SLANDERERS OF RUSSIA" IN ENGLISH TRANSLATIONS

Alexey A. Rubtsov, Donetsk State University, Russia, Donetsk People's Republic, Donetsk, rubtsov.eng@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7217-3512>

Maria R. Nenarokova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Russia, Moscow, maria.nenarokova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5798-9468>

Abstract. The article deals with the peculiarities of rendering the key images of A.S. Pushkin's poem "To the Slanderers of Russia" in the English translations. The research aims at comparative analysis of the key images rendering and stylistic features of the poem. The research material comprises three English translations. The article analyses the transformation of the text and its key images. In particular, the article compares the semantic fields of the original lexemes with their English equivalents. It is defined how the translator's selection of a particular translation unit affects the tonality of the work. Moreover, the impact of the historical context and the translators' personal perception on the translated text is analysed. The article deals with the problem of transferring realities when translating a poetic text. The study applies elements of etymological, comparative-historical and comparative analyses. The images conveyed are actively undergone various translational transformations. The transferred images are actively subjected to various translation transformations.

Keywords: A.S. Pushkin, "To the Slanderers of Russia", image, translation, transformation, realia.

For citation: Rubtsov A.A., Nenarokova M.R. Peculiarities of the key images conveying of A.S. Pushkin's poem "To the Slanderers of Russia" in English translations. Vestnik of Kostroma State University, 2024, vol. 30, no. 3, pp. 107–113 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-107-113>

В XIX в. благодаря активной переводческой деятельности как отечественных, так и зарубежных переводчиков у зарубежного читателя появилась возможность лично ознакомиться с творчеством многих русских писателей и поэтов. Важным фактором в этом процессе является то, что русские писатели сами были активными переводчиками. Например, В. Жуковский внес значительный вклад в перевод произведений Ф. Шиллера, И.В. Гёте, Гомера и Вергилия. И. Бунин переводил Дж. Байрона, Г. Лонгфелло, А. де Мюссе, а А.Н. Островский – М. де Сервантеса и У. Шекспира, чьи переводы стали предметом современных исследований, например, работы Н.К. Ильиной «“The Taming of the Shrew” У. Шекспира в прозаических переводах Н.Х. Кетчера и А.Н. Островского» [Ильина].

Особое внимание исследователей привлекают переводы произведений А.С. Пушкина, одного из самых переводимых русских поэтов. Актуальность современных исследований переводов Пушкина на английский язык обусловлена не только научным интересом, но и практической целью – способствовать расширению знаний о русской литературе в мире.

Исследуемое в данной статье стихотворение Пушкина «Клеветникам России» является одним из наиболее известных стихотворений политической направленности поэта. Оно было написано в ответ на призывы некоторых депутатов французского парламента к военной поддержке польских повстанцев против власти Российской империи. По мнению Ю.М. Лотмана, «Пушкину всегда был свойствен живой интерес к политике», причем «в 1830-е гг. его особенно тревожили внешние отношения России» [Лотман: 149]. Выйдя в печать, стихотворение сразу же вызвало широкий резонанс не только европейского, но и российского общества. Непосредственно после его публикации были выполнены переводы на французский язык такими русскими переводчиками и политическими деятелями, как П.А. Вревский, Н.Б. Голицын, С.С. Уваров. На немецкий язык стихотворение было переведено немецким писателем и славистом Ф. Боденштедтом.

Первым на английский язык стихотворение перевел современник Пушкина англичанин Томас Бадд Шоу (1813–1862). Т. Шоу родился и получил образование в Великобритании, однако большую часть своей жизни прожил в России. Помимо Пушкина он переводил А.А. Бестужева (Марлинского), И.И. Лажечникова. Остальные два перевода были выполнены в течение последнего десятилетия и опубликованы в открытом доступе сети Интернет. Один из них принадлежит Т.С. Рыжовой, кандидату филологических наук, заведовавшей кафедрой английского языка ПсковГУ, тогда как другой современный перевод выполнен переводчиком-любителем В. Четиным.

Знакомство читателя с поэтическим текстом, как правило, начинается с его заголовка. В заголовке «Клеветникам России», Пушкин в некоторой степени опирается на традицию стихотворной эпистолы, то есть поэтического жанра, чрезвычайно распространённого в европейской литературе XVIII–XIX вв. Так, произведение создается в форме послания, имеющего конкретного адресата и соответствующий мотив создания.

Рассмотрим, как был осуществлен перевод заголовка в работах трех переводчиков. Т. Шоу, а затем и Т. Рыжова перевели его как “To the Slanderers of Russia”. В. Четин перевел заголовок как “Ode to defamers of Russia”. В первую очередь обратим внимание на подбор лексической единицы ПЯ к русскому слову *клеветник*. Согласно «Словарю русского языка С.И. Ожегова», клеветник – это «тот, кто клеветает на кого-то», тогда как клевета – «порочащая ложь» [Ожегов: 424]. “Cambridge Dictionary Online” определяет глагол *slander* как “to damage someone's reputation by making a false spoken statement about them” [Cambridge Dictionary Online], а *defame* – как “to damage someone's or something's reputation by saying or writing bad things that are not true” [Cambridge Dictionary Online]. Обе лексемы – негерманского происхождения и восходят к латыни: англ. *slander* от лат. *scandalum* (скандал, то есть публичная громкая ссора), а англ. *defame* от лат. *diffamare* (приставка *dis* выражает сему «разрушение», «отмена», а корень ‘*fama*’ (f) – не только ‘молва’, ‘слух’, но и то же самое, что и современная английская лексема *fame*, то есть слава, почетная известность). Можно заключить, что, хотя на первый взгляд данные две лексемы имеют сходные семантические значения, между ними существует небольшое различие: англ. глагол *slander* можно понимать как желание «клеветников России» устроить громкий скандал, тогда как глагол *defame* выражает стремление «клеветников» лишить Россию её доблестной славы.

Перейдем к анализу переводов непосредственно основной части стихотворения, при этом обратим внимание на первую строку, которая, несмотря на свою краткость, играет важную роль в композиции и смысловом содержании произведения. Именно в первой строфе «*О чем шумите вы, народные витии?*» обнаруживается первое прямое обращение лирического героя Пушкина как ревностного защитника русской идеи и народа к своим идеологическим оппонентам – представителям французского парламента (под которыми обычно понимаются Ж.М. Ламарк, Ж. Лафайет, Ф. Моген).

«Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля» определяет лексему *вития* как «оратор, ритор, краснобай, краснописец, красноречивый словесник, краснослов, речистый человек» [Даль: 510]. Тогда как в «Толковом словаре русского языка» под ред.

Д.Н. Ушакова стоит помета «иронично» [Толковый словарь: 300]. В современном русском языке данное слово перешло в разряд устаревших и книжных.

Рассмотрим, как реализуется перевод обращения «народные витии» в исследуемых переводах:

“*Why rave ye, babblers, so — ye lords of popular wonder?*” [Shaw];

“*What are you shouting there, world orators?*” [Рыжова];

“*What’s that you’re trumpeting about, calumniators?*” [Четин].

Дословно под «народными витиями» Т. Шоу понимает властителей/повелителей народного удивления. Для современного носителя английского языка слово *lord* ассоциируется с лицом, носящим высокий чин и имеющий доступ в круги британской аристократии. Изначально в Средневековый период титул лорда являлся свидетельством о принадлежности к социальному классу феодалов. Более того, до настоящего времени слово *Lord* используется как обращение к Богу в молитве и эквивалентно русскому слову *Господь*. Таким образом, “*lords of popular wonder*” – это люди, обладающие большой властью и противопоставленные народным массам. Также, помимо этого, Т. Шоу расширяет обращение посредством лексического добавления личного местоимения *ye* и существительного *babbler*. Лексема *babbler* ‘болтун, говорун’ является производной от глагола *babble*, что означает “*to talk or say something in a quick, confused, excited, or silly way*” [Cambridge Dictionary Online], который нередко ассоциируется с детским лепетом, то есть высказыванием, пока ещё лишенным смыслового содержания. В свою очередь, выбор переводчиком местоимения *ye* в противовес привычному для современного английского языка местоимению *you* объясняется следующим. В среднеанглийском и ранненоанглийском местоимение *ye* использовалось в форме 2-го л. мн. ч. как при неофициальном обращении к группе знакомых лиц, так и в качестве почетного обращения к группе высших по социальному статусу лиц [Расторгуева: 231]. Следует также отметить, что авторы XIX в. нередко использовали в произведениях данные формы (*ye, thou, thee*), в настоящее время перешедшие в разряд архаичных, для придания тексту большей поэтичности и возвышенности, тогда как в устном дискурсе использовалось местоимение *you*. Так, в переводе Т. Шоу создается антитеза величия и несостоятельности.

В переводе Т. Рыжовой находим лексему “*orators*”, в чем, на наш взгляд, проявляется схожесть семантического значения русскому слову *вития*. Однако для обозначения определения «народный» переводчик использует лексему “*world*”, что несколько расширяет значение лексемы ИЯ и может трактоваться как относящегося ко всему миру. «Народные витии»,

то есть политики в ироничном понимании Пушкина, наделенные народом властью и призванные защищать его интересы, в переводе предстают как самодостаточная глобальная элита.

В. Четин передает обращение «народные витии» посредством единственной, но семантически насыщенной лексемы *calumniator* ‘лжец, клеветник’. В исходном тексте обращение поэта к людям, влияющим на общественное мнение, хотя и не лишённое иронии, сменяется прямым обвинением.

Также в первой строке «*О чем шумите вы, народные витии?*» [Пушкин] лирический герой описывает эмоциональную реакцию своих оппонентов. Шуметь – значит создавать беспокойство, и в переносном смысле – то же самое, что скандалить. Исходная лексема передана следующими аналогами: Т. Рыжова использует стилистически нейтральную лексему *shout* ‘кричать’, В. Четин – напоминающую звук трубы или слона лексему *trumpet*, а Т. Шоу посредством лексемы *rave* подчеркивает неистовство. Из вышеперечисленных лексем глагол *rave* обладает самым сильным семантическим значением, которое можно соотнести с бредом и бессвязной речью: “*to talk irrationally in or as if in delirium, to speak out wildly*” [Merriam-Webster Online].

Примечательно и то, что обращение «народные витии» также возникает и в заключительной части стихотворения: «*Так высылайте ж к нам, витии, / Своих озлобленных сынов: / Есть место им в полях России, / Среди нечуждых им гробов*» [Пушкин], посредством чего автор создает кольцевую композицию стихотворения, выражая свою субъективную оценки исходу данного предприятия:

“*Then send your numbers without number, / Your maddened sons, your goaded slaves*” [Shaw];

“*Why! Send us, then, orators vagrant, / Your sons, whose wickedness you praise*” [Рыжова];

“*Then send your bellicose descendants, / Defamers, over to our place!*” [Четин].

Обратим внимание на то, как переосмысливается фраза «*своих озлобленных сынов*» в работах переводчиков. В варианте Т. Шоу используется лексема *maddened*, что говорит не столько о состоянии озлобленности, сколько безумия. Более того, помимо «*сыновей*» высылаются также и «подстрекательные рабы» (государства, находящиеся в политической зависимости), о чем свидетельствует добавление переводчиком фразы “*your goaded slaves*”. В переводе Т. Рыжовой «народные витии» (“*orators vagrant*”) восхваляют злодеяния своих сыновей: “*your sons, whose wickedness you praise*” [Рыжова]. В варианте В. Четина «озлобленность» сменяется на «воинственность»: переводчик использует лексему *bellicose* ‘воинствующий’, определяемую как “*wishing to fight or start a war*” [Cambridge Dictionary Online]. Примечатель-

но, что лексема *bellicose* этимологически восходит к латинскому слову *bellum* ‘война’. Однако вместо лексем «сыновья» переводчик использует лексему “*descendants*”, эквивалентную русскому «потомки».

Ключевое место в произведении занимают рассуждения, упоминания, приводимые аргументы лирического героя, связанные с предпосылками, мотивами сторон и ходом польского восстания 1830–1831 гг. Рассмотрим, как осуществляется передача этнонимов, топонимов и историко-политических событий в исследуемых переводах.

Уже в самом начале Пушкин отмечает событие, волновавшее его и в конечном итоге побудившее к созданию стихотворения: «*О чем шумите вы, народные витии? / Зачем анафемой грозите вы России? / Что возмутило вас? волнения Литвы?*» [Пушкин]:

“*What moves your idle rage? Is 't Poland's fallen pride?*” [Shaw];

“*What made you such indignant – Lithuanian rise?*” [Рыжова];

“*What has enraged you? Lithuanian unease?*” [Четин].

В вышеприведенных вариантах мы видим, что русские переводчики Т. Рыжова и В. Четин передают название данного события дословно, как и в оригинале, тогда как Т. Шоу переосмысливает текст, называя «восстание Литвы» «павшей гордостью Польши». По мнению В.В. Орехова, предыстория польского вопроса восходит «к эпохе существования польско-литовского государства, известного под названием Великого княжества Литовского и существовавшего с XIII в.» [Орехов]. Именно в состав Великого княжества Литовского входят территории современной Юго-Западной России, Украины и Белоруссии. В дальнейшем оно через династический брак объединяется в унию с Польским Королевством, образуя новое государство под названием Речь Посполитая.

Более того, в переводах видно различие в оценке восстания. При передаче слова «волнение» Т. Рыжова использует лексему *rise* ‘восстание’ (от глагола *rise* ‘вставать, подниматься’), В. Четин – лексему *unease* ‘беспокойство, предчувствие беды’, близкую к исходной русской лексеме. В переводе Т. Шоу “*Is 't Poland's fallen pride?*” [Shaw] восставшая сторона характеризуется как вольнолюбивая, но обиженная утратой чувства национального достоинства.

Описывая истоки возникших в прошлом и вспыхнувших вновь распрей, Пушкин акцентирует внимание на родственной связи враждующих сторон, определяя конфликт как семейный, племенной спор: «*Оставьте: это спор славян между собою, / Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою*» [Пушкин]:

“*T is but Slavonic kin among themselves contending, / An ancient household strife, oft judged but still unending*” [Shaw];

“*Calm down: this is Slavs' question – only theirs, / Their old domestic, weighed by fate, affairs*” [Рыжова];

“*Forget it: this is Slavic beef among their kindred, / Domestic ancient squabble, fate has long since figured*” [Четин].

Т. Шоу и В. Четин подчеркивают племенную и кровнородственную связь враждующих народов посредством лексем *kin* ‘родня, род’ (Т. Шоу), *kindred* ‘(кровное) родство’ (В. Четин). Лексема *strife*, которую использует Т. Шоу, свидетельствует об агрессивных и насильственных разногласиях, так как *strife* может определяться как “very angry or violent disagreement between two or more people or groups” [Merriam-Webster Online]. В. Четин для описания причины раздора использует употребляемую в разговорной речи стилистически сниженную лексему “*beef*”, которую словарь определяет как “(informal) a complaint”, и которая обозначает ссору и недовольство [Cambridge Dictionary Online]. Также, В. Четин передает «спор» как “*squabble*”, то есть ссора из-за пустяков: “to argue loudly about things that are not important” [Merriam-Webster Online].

Созданная автором антитеза «*Кто устоит в неравном споре: / Кичливый лях, иль верный росс?*» [Пушкин] содержит два этнонима: «лях» и «росс»:

“*Which shall stand fast in such commotion, / The haughty Pole, or faithful Russ?*” [Shaw];

“*Who will withstand in this unequal quarrel – / Conceited Pole or faithful Ross?*” [Рыжова];

“*Who'll stand the ground when odds are heavy: / A haughty Lech? A faithful Russ?*” [Четин].

При передаче первого этнонима *лях* Т. Шоу и Т. Рыжова прибегают к генерализации, используя соответствующее “*Pole*” (‘поляк’), хорошо понятное английскому читателю. Сам этноним «лях» встречается в летописи Нестора для обозначения западнославянских племен [ЭСБЕ]. В дальнейшем ляхами в России исторически называли поляков. Известна также легенда о «Трёх братьях-славянах»: Чехе, Русе и Лехе, последний из которых считался вождем племени полян и основателем польской государственности. В английском языке для обозначения данной народности употребляется этноним *Lechite* ‘лехит’, тогда как имя *Lech* является собственным, описывает вышеупомянутого легендарного князя и не может соотноситься с русским *лях*.

Интересно также проследить, как переводчики осмысливают характерный как для русской, так и для английской литератур архетипический образ моря, символизирующий материнское лоно, истоки славянских народов:

“*Славянские ль ручьи сольются в русском море? / Оно ль иссякнет? вот вопрос*» [Пушкин];

“*And shall Slavonic streams meet in a Russian ocean / – Or that dry up? This is point for us*” [Shaw];

“*Will Slavic streams to the Russian sea all flow? Or it'll get dry? / – One cannot know*” [Рыжова];

“*The question is if Slavic floods will ever / Blend in the Russian sea or it'll reduce*” [Четин].

В отличие от вариантов Т. Рыжовой и В. Четина, в переводе Т. Шоу и так величественный образ «русского моря» заменяется на образ «русского океана», то есть еще больший по своему размеру водоем.

Необходимо отметить, что в поэтической структуре стихотворения Пушкина определенное место занимают также и религиозные образы. Первым из них является упоминание автором анафемы: “*Зачем анафемой грозите вы России?*» [Пушкин]:

“*Why such anathemas 'gainst Russia do you thunder?*” [Shaw];

“*Why do you threaten Russia with anathemas?*” [Рыжова];

“*How come you threaten us with excommunication?*” [Четин].

Слово *анафема* имеет религиозный компонент и в христианстве обозначает «церковное проклятие, отлучение от церкви, отвержение обществом верующих; об. брань, проклятие» [Даль: 41]. В христианском мире, в частности в католицизме и православии, быть преданным анафеме – значит быть отлученным от Церкви и лишиться спасения (принцип христианской экклесиологии «Вне церкви нет спасения», впервые сформулированный Киприаном Карфагенским). Очевидно, под анафемой здесь понимаются угрозы политического характера, направленные против России и означающие её изоляцию от той части цивилизованного мира, который представляют западноевропейские страны.

Т. Шоу и Т. Рыжова в своих переводах сохраняют значение переводной лексемы посредством полного лексического соответствия, используя существительное *anathemas* ‘анафемы’. В свою очередь, В. Четин использует лексему *excommunication* ‘отлучение’, которая может использоваться не только в религиозном, но и в гораздо более широком контексте: изгнание из определенного общества. Слово *excommunication* происходит от лат. *excommunicare*, состоящего из приставки *ex-* ‘вне, из’ и корня *communicare* ‘делить, делать общим’ (ср. лат. *communis* ‘общий’). Онлайн-словарь “Merriam-Webster Online” дает два определения вышеупомянутой лексеме: 1) “an ecclesiastical censure depriving a person of the rights of church membership” и 2) “exclusion from fellowship in a group or community” [Merriam-Webster Online]. Можно сказать, что в религиозном контексте анафема (*anathema*) – это высшая мера отлучения (*excommunication*). Таким образом, в варианте В. Четина как бы стирается религиозный компонент семантики данного выражения.

Ещё один и, пожалуй, самый интересный образ, объединяющий в себе религиозный и политический

мотивы, проявляется в следующих строках: «*За то ль, что в бездну повалили / Мы тяготеющий над царствами кумир / И нашей кровью искупили / Европы вольность, честь и мир?..*» [Пушкин]. Посредством аллюзии Пушкин напоминает своим оппонентам о том, что именно русскому народу и армии принадлежит ключевая роль в освобождении Европы от власти Наполеона I Бонапарта. В то время как многие в Европе ненавидели Наполеона, для других он стал объектом восхищения и предметом для подражания. Так, в литературе можно встретить таких персонажей, очарованных личностью Наполеона, как Жюльен Сорель («Красное и чёрное» М.А. Стендаля), Пьер Безухов («Война и мир» Л.Н. Толстого), Родион Раскольников («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского) и др.:

“*Is it that into dust we shattered / The Dagon that weighed down the earth so wearily? / And our best blood so freely scattered / To buy for Europe peace and liberty?*” [Shaw];

“*Or maybe just because we cast him - / The idol weighing heavily upon all nations? / And paid with blood, just as we are accustomed, / For Europe's peace, its honor and salvation?*” [Рыжова];

“*Respond: because we sent the idol, / Who'd been predominating kingdoms, to abyss, / Thus having paid with our lifeblood / For Europe's freedom, state and peace?..*” [Четин].

Русские переводчики Т. Рыжова и В. Четин подбирают эквивалентную лексему *idol* ‘идол’, которая является заимствованной как в английском, так и русском языках и восходит к греч. εἰδῶλον (*eidōlon*) [Фасмер: 460]. С.И. Ожегов определяет слово *идол* следующим образом: «*Статуя, к-рой язычники поклоняются как божеству, истукан, кумир*» [Ожегов: 365] и «*перен. Кумир, предмет восхищения, преклонения*» [Ожегов: 476]. В данном контексте русская лексема *кумир* обладает тем же значением, что и лексема *идол*, однако этимологически восходит к ст.-слав. *коумирь* [Фасмер: 416]. По мнению исследователей, установить дальнейший источник данной лексемы трудно.

В варианте Т. Шоу происходит целостное преобразование: лексема *идол* заменяется на имя собственное *Дагон*. Современному читателю образ Дагона как подводного чудовища может быть знаком прежде всего по рассказам Г.Ф. Лавкрафта. Тем не менее Дагон – это божество, которое встречается в мифологии финикийцев, ханаанцев и шумеров. Являясь богом плодородия, рыболовства и зерна, Дагон часто изображался в виде получеловека-полурыбы. В Ветхом Завете упоминания о Дагоне встречаются в «Книге Судей Израильских» и «Первой книге Царств», в которых он упоминается как главное божество филистимлян [Еврейская энциклопедия: 914–916]. С позиции иудеев, исповедующих моно-

теистическую религию, поклонение Дагону являлось идолопоклонством. Более того, согласно повествованию «1-й книги Царств» (глава 5), захватив у потерявших поражение израильтян Ковчег Завета, филистимляне перенесли его в Азот, во святилище Дагона. Подобно тому, как статуя Дагона была повержена два раза (окончательно во второй раз), так и Наполеон I Бонапарт отрекся от престола два раза, а остаток своей жизни провел в ссылке на острове Святой Елены.

Вдобавок, в вышеупомянутой части стихотворения, говоря о самоотречении и жертве, которую принесла Россия на алтарь европейской свободы, Пушкин использует фразу «нашей кровью искупили» [Пушкин]. Искупление в христианстве – основной догмат, согласно которому человек получает освобождение от греха и обретает вечную жизнь с Богом через жертву Иисуса Христа, его смерть (пролитую кровь) и воскресение. С лингвистической точки зрения слово ‘искупление’ основывается на семантике «покупать», что предполагает процесс обмена между сторонами за какие-то ценности.

Примечательно, что все три переводчика для передачи фразы «кровью искупили» используют словосочетания, основанные на глаголе *pay* ‘платить’ в связке с существительными *blood* ‘кровь’ (Т. Шоу и Т. Рыжова) или его производным *lifeblood* ‘кровь’ (В. Четин). В варианте Т. Шоу это не просто кровь, а «лучшая кровь», то есть выдающиеся представители русской нации, что является метафорой, созданной самим переводчиком; и эта «кровь» была пролита в огромном количестве, о чем свидетельствует наречие *freely* ‘много, обильно’: “*And our best blood so freely scattered / To buy for Europe peace and liberty?*” [Shaw]. Помимо этого, в варианте Т. Рыжовой читатель обнаруживает, что переводчик модифицирует исходный текст, добавляя фразу “*just as we are accustomed*” [Рыжова], подразумевающую неоднократное вовлечение России многими европейскими странами в свои военные конфликты. Следует отметить, что в английском языке наиболее близкой к исходной лексеме *искупление* является лексема *redemption* (от глагола *redeem*), которая предполагает не только выкуп чего-то (повторная покупка), но и включает в себя религиозный компонент: “*(especially in Christianity) an occasion when someone is saved from evil, suffering, etc.*” [Cambridge Dictionary Online].

Одной из существенных трудностей, с которой сталкивается переводчик, является перевод реалий. Под реалией понимается слово или выражение, которое отражает специфику культуры ИЯ, не имеющее прямого аналога в культуре ПЯ и, следовательно, не обладающее таким языковым соответствием.

В исходном тексте встречается 3 реалии русской культуры: «Кремль», «русский царь» и «старый бога-

тырь». Если при переводе первых двух реалий у переводчиков не возникло сложностей в подборе основанных на транслитерации соответствий благодаря тому, что данные реалии вошли в английский язык и устоялись в нем (рус. *Кремль* – англ. *the Kremlin*, рус. *царь* – англ. *tsar*), сохраняя свою национально-культурную специфику, то при передаче реалии *богатырь* переводчики прибегли к различным решениям: «*Иль старый богатырь, покойный на постеле, / Не в силах завинтить свой измайловский штык?*» [Пушкин]:

“*Or is the hero, now reclined in laurelled quiet, / Too weak to fix once more Izmail's red bayonet?*” [Shaw];

“*Or do you think the ancient bogatyr is on his couch at peace, / No longer having power at all to mount his Turkish bayonet?*” [Рыжова];

“*As if an aged hero, calm in relaxation, / Can't fix his Ismailian bayonet to a gun?*” [Четин].

Русскому читателю еще с ранних лет известно, что богатырь – «герой русских былин, совершающий воинские подвиги» [Ожегов: 92], мужчина крепкой физической силы, освободитель русских земель. В этом отношении Т.С. Рыжова в своем переводе руководствуется стратегией форенизации и подбирает заимствованную и основанную на транскрипции лексему *bogatyr*: “*one of the legendary medieval heroes of Russia*” [Merriam-Webster Online], что сохраняет национальный колорит. Однако в таком случае английскому читателю, незнакомому с данным понятием, приходится обращаться к словарю. Другой стратегии придерживаются В. Четин и Т. Шоу: у них передача русской реалии осуществляется посредством английского аналога “*hero*”. Лексема “*hero*” – рус. ‘герой’ имеет более широкий спектр значений и может обозначать не только эпического персонажа, выдающегося воина, но и в современном понимании человека, положительно отличившегося в обществе.

Согласно аналитическому сервису «Google Ngram Viewer», самые первые случаи употребления словоформы *bogatyr* в английском языке фиксируются в начале 1850-х гг., а пик употреблений приходится на начало XX в. Исходя из этого, можно предположить, что выбор Т. Шоу объясняется как попытка поиска нужного соответствия, а выбор В. Четина – как стремление к стратегии доместикации, причем отчасти переводчик теряет национальную специфику реалии.

Перевод стихотворения Пушкина «Клеветникам России», насыщенного сильными эмоциями и патристическим пафосом, представляет собой непростую задачу для переводчика. Таким образом, на основании проведенного нами исследования было установлено, что при передаче ключевых образов каждый переводчик по-своему осмысливает оригинал, что проявляется как в подборе достаточно близких семантически, но при более детальном изучении обладающими существенными различиями на уровне смысла аналогов

ПЯ, так и посредством намеренной трансформации переводного текста, исходя из своей субъективной оценки и исторического контекста. Это прослеживается в переводе заглавия, исторических событий и реалий, религиозных образов, которые в зависимости от способов и стратегии, используемых конкретным переводчиком, влияют на процесс читательской рецепции оригинала.

Список литературы

Источники

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Санкт-Петербург; Москва: Тип. Товарищества М.О. Вольф, 1903. Т. 2. 1724 стб.

Еврейская энциклопедия: Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем Т. 6. Санкт-Петербург: О-во для науч. евр. изд. Брокгауз-Ефрон, 1910. 497 с.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. Москва: Мир и Образование, 2019. 1376 с.

Пушкин А.С. Клеветникам России / пер. на англ. В. Четин. URL: <https://stihi.ru/2014/04/18/1325> (дата обращения: 17.05.2024).

Пушкин А.С. Клеветникам России / пер. на англ. Т. Рыжова. URL: <https://stihi.ru/2022/06/19/7353> (дата обращения: 17.05.2024).

Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 14 т. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом), 1950. Т. 3. 552 с.

Русский биографический словарь. Т. 22: Чаадаев – Швитков / под ред. А.А. Пловцова. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. С. 550–551.

Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Сов. энцикл.: ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. Москва: Прогресс, 1986. 672 с.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 18. Лопарди – Малолетние преступники. Санкт-Петербург: Тип.-лит. И.А. Ефрона, 1896. 480 с.

Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 18.05.2024).

Merriam-Webster Online: Dictionary and Thesaurus. URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 19.05.2024).

The Oxford Dictionary of English Etymology, ed. by C.T. Onions. Oxford, Oxford University Press, 1966, 1024 p.

Исследования

Ильина Н.К. «The Taming of the Shrew» У. Шекспира в прозаических переводах Н.Х. Кетчера

и А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 51–58.

Капустина С.В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н.В. Гоголя: «Богатырство» или «heroism»? // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 16–33. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-3>

Лотман Ю.М. Пушкин. Биография писателя; Статьи и заметки. 1960–1990. Евгений Онегин: Комментарий. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2003. 847 с.

Орехов В.В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 3. С. 69–88.

Расторгуева Т.А. История английского языка: учебник. Москва: Изд-во Астрель: Изд-во АСТ, 2003. 348 с.

References

Ilyina N.K. “The Taming of the Shrew” U. Shekspira v prozaicheskikh perevodakh N.Kh. Ketchera i A.N. Ostrovskogo [“The Taming of the Shrew” by W. Shakespeare in prose translations by N.H. Ketcher and A.N. Ostrovsky]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma state university], 2023, vol. 29, No. S, pp. 51-58. (In Russ.)

Kapustina S.V. K voprosu o perevode edinitis kontseptosfery N.V. Gogolia: “Bogatyrstvo” ili “heroism”? [On the issue of translating units of the concept sphere N.V. Gogol: “heroism” or “heroism”?]. *Dva veka russkoi klassiki* [Two centuries of Russian classics], 2023, vol. 5, No. 4, pp. 16-33. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-3>. (In Russ.)

Lotman Iu.M. *Pushkin. Pushkin. Biografiia pisatel'ia; Stat'i i zametki. 1960–1990. Evgenii Onegin: Kommentarii* [Pushkin. Pushkin. Biography of the writer: Articles and notes. 1960–1990. Evgeny Onegin: Comment]. SPb, Iskustvo-SPb Publ., 2003, 847 p. (In Russ.)

Orekhov V.V. “Klevetnikam Rossii”: avtorskaia pozitsiia i literaturnaia reputatsiia [“To the Slanderers of Russia”: the author’s position and literary reputation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philological sciences], 2019, vol. 5 (71), No. 3, pp. 69-88. (In Russ.)

Rastorgueva T.A. *Istoriia angliiskogo iazyka* [History of the English Language]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2003, 348 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 02.09.2024.

The article was submitted 24.06.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 02.09.2024.